

ПРОБЛЕМЫ МНОГОЯЗЫЧИЯ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. В. АВЕРЬЯНОВА

Тюменский государственный университет

СТАТУС ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО И ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКОВ В XV-XVII ВВ.

In this paper compares the status of Church Slavonic and Latin languages in the XV-XVII centuries. The particularity of the Church Slavonic language is in the comparison with the Latin is that it existed in the situation of the diglossy.

KEY-WORDS: *the Church Slavonic language, Latin language, diglossy, bilingualism.*

Цель настоящей статьи — сопоставить статус церковнославянского и латинского языков в XV-XVII вв.

Обратимся к церковнославянскому языку. По мнению Б. Успенского, языковая ситуация Московской Руси в специальных лингвистических терминах должна быть определена не как ситуация церковнославянско-русского двуязычия в строгом терминологическом смысле этого слова, а как ситуация церковнославянско-русской диглоссии [Успенский, 1989: 206]. Диглоссия определяется автором как такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации [там же]. При этом речь идет о сосуществовании «книжной» языковой системы, связанной с письменной традицией (и вообще непосредственно ассоциирующейся с областью специальной книжной культуры), и «некнижной» системы, связанной с обывденной жизнью; по определению, ни один социум внутри данного языкового коллектива не пользуется книжной языковой системой как средством разговорного общения. В наиболее явном случае книжный язык выступает не только как литературный (письменный) язык, но и как язык сакральный (культовый), что обуславливает как специфический престиж этого языка, так и особенно тщательно соблюдаемую дистанцию между книжной и разговорной речью; именно так и обстоит дело в России [там же: 208].

Если вне диглоссии одна языковая система нормально выступает в разных контекстах, то в ситуации диглоссии разные контексты соотнесены с разными языковыми системами. Отсюда, между прочим, члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как один язык, тогда как для внешнего наблюдателя (включая сюда и исследователя-лингвиста) естественно в этой ситуации видеть два языка. Таким образом, если считать во-

обще известным, что такое разные языки, диглоссию можно определить как такую языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык [там же]. Знаменательно, что в условиях церковнославянско-русской диглоссии вообще не существовало какого-либо особого наименования для обозначения разговорного (русского) языка. Название «русский» специально не обозначало именно разговорный язык, но могло относиться и к книжному (церковнославянскому) языку, выступая при этом как синоним слова «словенский»; равным образом и термин «простой» мог употребляться в отношении книжного языка [там же]. Разговорный и книжный языки объединяются в языковом сознании как две разновидности — одного и того же языка (правильная и неправильная, испорченная), а отсюда и именуются одинаковым образом.

Соответственно в отличие от двуязычия, т. е. сосуществования двух равноправных и эквивалентных по своей функции языков, которое представляет собой явление избыточное (поскольку функции одного языка дублируются функциями другого) и по существу своему переходное (поскольку в нормальном случае следует ожидать вытеснения одного языка другим или слияния их в тех или иных формах), диглоссия представляет собой очень стабильную языковую ситуацию, характеризующуюся устойчивым функциональным балансом (взаимной дополнителем функций) [там же: 212].

Понятие языковой нормы — и соответственно языковой правильности — связывается в условиях диглоссии исключительно с книжным языком, что выражается, прежде всего, в его кодифицированности (некнижный язык в этих условиях в принципе не может быть кодифицирован). Таким образом, книжный язык фигурирует в языковом сознании как кодифицированная и нормированная разновидность языка [там же: 212]. Книжный язык в отличие от некнижного эксплицитно усваивается в процессе формального обучения, и поэтому только этот язык воспринимается в языковом коллективе как правильный, тогда как некнижный язык понимается как отклонение от нормы, т. е. нарушение правильного речевого поведения [там же].

Б. Успенский отмечает, что отклонение от нормы правильного поведения в условиях церковнославянско-русской диглоссии не является кощунством: вместе с тем недопустимо и кощунственно смешение разных планов поведения, т. е. нарушение соответствия между речевым поведением и ситуацией. Недопустимость несоответствия такого рода может быть проиллюстрирована как невозможностью перевода сакрального текста на разговорный язык, так и невозможностью обратного перевода, т. е. перевода на книжный язык текста, предполагающего некнижные средства выражения [там же].

Отсюда следует, в свою очередь, принципиальная невозможность в этих условиях шуточного, пародийного использования церковнославянского языка, т. е. применения книжного языка в заведомо несерьезных, игровых целях. В самом деле, пародия на книжном языке представляет собой именно недопустимый при диглоссии случай употребления книжного языка в неподобающей ситуации [там же]. Вполне закономерно поэтому, что древнерусская литература — пони-

маемая именно как совокупность текстов на книжном языке — вообще не знает пародию как литературный жанр, так же как не знает, в общем, и другие несерьезные литературные жанры: несерьезное, шуточное содержание, как правило, не выражается средствами книжного (литературного) языка [там же].

Пародийные тексты на церковнославянском языке становятся возможными в Московской Руси как более или менее нейтральные, а не заведомо кощунственные произведения только в условиях разрушения диглоссии и перехода церковнославянско-русской диглоссии в церковнославянско-русское двуязычие, когда церковнославянский язык — в конечном счете, под влиянием западноевропейской языковой ситуации, которое на великорусской территории первоначально осуществляется через посредство Юго-Западной Руси, — начинает играть приблизительно ту же роль, что латынь на Западе [там же]. Соответствующие тексты появляются на территории Московской Руси только в XVII в.

Итак, в плане выражения соотношение сосуществующих при диглоссии языков (книжного и некнижного) представляет собой привативную оппозицию. Между тем контексты употребления этих языков характеризуются дополнительным распределением (практически не пересекаются), и, следовательно, в плане содержания (функционирования), отношение данных языков предстает как взаимоисключающая, эквиполентная оппозиция. Как книжный, так и некнижный язык оказывается, таким образом, прямо связанным с семиотическим ключом, обуславливающим его употребление, т. е. с определенными семантическими характеристиками, присущими тому или иному контексту [там же: 220].

Иначе говоря, если сами по себе, будучи рассматриваемы в отвлечении от своего функционирования, книжный и некнижный языки противопоставляются по признаку соответствия языковой норме (причем соответствие норме маркировано), то контексты, связанные с их употреблением, оказываются взаимно противопоставленными, образуя две самостоятельных и относительно независимых семантических сферы: каждый язык оказывается соотношенным с самостоятельным миром ситуаций, который организуется как семантическое целое [там же]. Это означает, что отступление от языковой нормы переводит речь в иной семиотический ключ, в иную семантическую сферу.

Теперь обратимся к латинскому языку. После образования на территории бывшей Римской империи варварских государств латынь еще долго продолжала оставаться в них единым письменным языком. М. А. Таривердиева отмечает, что, поскольку большинство писавших на латыни были людьми малограмотными, письменная латынь постепенно превращалась в «антиязык», т. е. язык, утративший способность служить средством общения [Таривердиева, 1987: 76-77].

В X-XI вв. во всех государствах Западной Европы появляются письменные документы на национальных языках романского происхождения. Сферами применения латинского языка в Средневековье являются юриспруденция, образование, наука, религия, литература, т. е. почти все сферы культурной жизни. Латинский язык продолжал до XVII в. использоваться в дипломатии, а в качестве международного языка науки и до XVIII в. включительно. Языком церкви он оставался вплоть до XX в.

Если мы сопоставим статус рассматриваемых языков, то церковнославянский язык функционировал как кодифицированный, книжный, правильный, сакральный язык в оппозиции с русским, но не воспринимался как самостоятельный язык, он осознавался как русский язык, его высокий вариант. Такова ситуация диглоссии. Латинский же язык функционировал в романских странах Западной Европы в ситуации двуязычия, т. е. осознавался его носителями как самостоятельный язык, и поэтому мог дублировать сферы действия молодых национальных языков, так как не находился с ними в отношении дополнительной дистрибуции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Успенский Б. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языков // Византия и Русь. М., 1989. С. 206-226.
2. Таривердиева М. А. Истоки романских языков // Алисова Т. Б. и др. Введение в романскую филологию: учеб. для филол. фак. ун-тов, ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1987. С. 69-138.